

Леопольд Матвеевич Рахлин

1898 — 1994

КАЗАНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ
1998

1

ТОМ
LXXIX

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТАТАРСТАНА,
СОВЕТА НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОБЩЕСТВ ТАТАРСТАНА И
КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА

УДК 061.75 Рахлин

ПРОФЕССОР ЛЕОПОЛЬД МАТВЕЕВИЧ РАХЛИН

(воспоминания об учителе)

14 января 1998 г. (1 января по старому стилю) исполнилось 100 лет со дня рождения видного отечественного терапевта, ученого, педагога и общественного деятеля, заслуженного деятеля науки РСФСР и ТАССР профессора Леопольда Матвеевича Рахлина.

Воспитанник медицинского факультета Казанского университета, Л.М. Рахлин в студенческие годы слушал лекции выдающихся отечественных терапевтов — С.С. Зимницкого, Н.К. Горяева, М.Н. Чебоксарова. Очень рано, еще в 1921 г., он начал осваивать новый по тому времени метод электрокардиографии в лаборатории талантливого физиолога А.Ф. Самойлова, которого всю жизнь считал своим учителем. Влияние на ЭКГ не только нарушений сердечного ритма, но и условий гемодинамики в полостях сердца было темой его докторской диссертации. Этот разносторонний фундамент, заложенный в начале врачебной деятельности Л.М. Рахлина, и стал концептуальной основой его врачебного мировоззрения.

Леопольда Матвеевича всегда восхищало виртуозное умение клиницистов, работавших в начале века, проводить обследование больного с помощью мнимо простых методов (осмотр, пальпация, перкуссия и аускультация) с последующим блестящим клиническим анализом полученных результатов. Своим долгом он считал, образно выражаясь,

передать от них эстафетную палочку современным врачам, у которых техницизм вытесняет это умение. Примечательно, что используя и разрабатывая метод электрокардиографии в течение многих лет, Леопольд Матвеевич оценивал его с позиций врача-клинициста, призывая “смотреть на электрокар-

Л.М. Рахлин с врачами-курсантами у постели больного.

диограмму через больного”. В 1940 г., еще задолго до того, как техницизм стал модой, проф. Л.М. Рахлин писал: “Забывая о том, что каждый метод имеет свои пределы, некоторые склонны расценивать ЭКГ-данные не в синтезе со всей клинической картиной, а изоли-

рованно, предоставляя электрокардиографической кривой «диктатуру» в диагностике заболевания миокарда». Впоследствии он не раз повторял: «Ни один метод исследования не имеет право на монополию в клинике». В изящной фразе выразил эту мысль его ученик проф. Э.А. Озол: «Конечно, электрокардиографии принадлежит роль первой скрипки в кардиологическом оркестре, но за дирижерским пультом должен стоять врач-клиницист».

Интересно врачевания Леопольд Матвеевич ценил наиболее высоко. Как-то в ответ на вопрос, что является самым важным для военного врача, он ответил: «Быть хорошим врачом, остальное освоить несложно». Однако и на фронте, куда он ушел добровольцем и был главным терапевтом армии, Леопольд Матвеевич оставался ученым и являлся инициатором нескольких проведенных в то время научно-практических конференций.

Интересы больного были для Леопольда Матвеевича на первом месте. Он скептически относился к многословным рассуждениям о деонтологии. Суть вопроса для него заключалась в одной фразе: «Если после обхода больному не стало хоть немного лучше, врач не понимает, что такое деонтология». Кстати, Леопольд Матвеевич не любил, когда в присутствии пациента произносили слово «больной», предпочитая ему имя и отчество. На его блестящих клинических обходах и разборах, являющих собой образец глубокой врачебной и житейской мудрости, слушатели учились высокому клиническому мастерству, а больные получали заряд бодрости и оптимизма. Этот передаваемый больным оптимизм исходил из его природы. Ведь Леопольд Матвеевич также болел, одних только операций на предстательной железе было три. Он удивительно легко все переносил, объясняя это тем, что у него «оптимизм запрограммирован на молекулярном уровне». Даже будучи больным, он не терял чувство юмора. После одной из операций я дежурил около него. Наутро позвонила пожилая родственница и, услышав ободряющую информацию, воскликнула: «Я готова вас расцеловать!». Когда я передал Леопольду Матвеевичу эти слова, он заметил: «Боюсь, это не доставит Вам большого удовольствия». Когда автор статьи за месяц до защиты докторской диссертации перенес операцию и был в весь-

ма подавленном состоянии, Леопольд Матвеевич основательно пожурил его: «Не смейте раскисать, я 50 лет болею сахарным диабетом, вводил себе инсулин и в самолете и в поезде, однако все эти годы жил полноценной жизнью».

Житейская бодрость вообще была особенностью его природы. Выйдя на пенсию, он, руководствуясь принципом «жить, а не доживать», много консультировал, живо интересовался всем, что происходило в стране, городе, институте и клинике.

В 1988 г. отмечалось его 90-летие. То были «безалкогольные» времена. Когда я передал Леопольду Матвеевичу запрещение директора Дома актера включить в меню алкогольные напитки, он заметил, что против них он бы не возражал. Спасли положение многоопытные медицинские сестры, захватив с собой «компот». Стало веселей. А 92-летие мы отмечали у него дома, и Леопольд Матвеевич, держа в дрожащих руках (паркинсонизм) большую рюмку коньяка, с удовольствием допил ее до дна, «перепив» автора статьи.

Отличала Леопольда Матвеевича и житейская мудрость. Как-то в клинике завязался бурный роман юной санитарки с солдатом, находившимся на лечении. Когда клинические дамы — блюстители нравственности — примчались в кабинет профессора выражать свое возмущение, он успокоил их вопросом: «Это любовь или профессия?». Насколько я помню, солдат увез девушку к себе на родину.

К Леопольду Матвеевичу часто обращались за советом по поводу разных дел. Если это были семейные неурядицы, он обычно вспоминал выражение «Семейная жизнь — это лотерея, в которой редко кому удается вытащить счастливый билет». Надо отметить, что его семейная жизнь не была благобно спокойной. Жена Леопольда Матвеевича, целиком посвятившая себя воспитанию старшего внука, не баловала его вниманием и заботой. Близкий друг, главный врач больницы Н.И. Чугунов говорил: «Леопольд Матвеевич живет в атмосфере вечного неудовольствия». Однако это никак не отражалось на его поведении на работе. Я не помню, чтобы он когда-либо повышал голос. Леопольд Матвеевич был всегда спокоен, вежлив с сотрудниками независимо от их положения в клинике, по-рыцарски предупредителен к женщинам. Нам, молодым

сотрудникам, он часто советовал в любой ситуации сохранять спокойствие и чувство юмора.

При всем своем огромном опыте и популярности Леопольд Матвеевич не был амбициозным врачом. Однажды, когда он был в апогее своей славы, я спросил, допускал ли он ошибки в диагностике, на что был ответ: "Допускал и нередко. К сожалению, это в природе нашего ремесла". Он часто говорил: "Ошибки скрывать не нужно, важно найти точку, в которой был допущен поворот не в ту сторону". Помню, на обходе с курсантами больной с митральным стенозом ревматической природы Леопольд Матвеевич поставил диагноз "тонзилло-кардиальный синдром". После обхода я зашел к нему в кабинет и спросил, с чем выписывать больную. Выслушав мои объяснения, Леопольд Матвеевич сказал: "Ставьте митральный стеноз". Прекрасный пример для тех "забронзовевших" руководителей, которые не понимают, что диагноз "нельзя приказать". Строгая трудовая дисциплина и разумная субординация хорошо уживаются с демократизмом при решении сложных диагностических и лечебных проблем.

Клинические обходы и разборы удавались Леопольду Матвеевичу лучше всего, а вот его лекции были сложными, читались длинными, хотя и безупречно построенными фразами. В клинике шутили: "Леопольд Матвеевич, начав фразу в начале лекции, мог ее закончить перед перерывом, не сбившись ни на одном обороте". В результате восприятия содержания затруднялось, оно оставалось как бы завалуированным. Не всегда безупречными были у него и ударения в словах. На юбилее, посвященном его 70-летию, прозвучали стихи, написанные доц. М.К. Федоровой в соавторстве с мужем:

"Этот врожденный порок,
Что на сердце камнем лег,
Надо солью поварённой
Пересыпать поперек (на сантиметр,
не боле!)

Вот тогда бы вышел прок:
Сердцу б стало веселей,
Не осталось бы болей,
Без одышки легочной
Сразу б стал здоров больной!"

Леопольд Матвеевич посмеялся вместе со всеми и сослался на "саратовщину", намекая на то, что эти ударения

привезены из Саратова, в котором прошли его детские и юношеские годы.

Под руководством проф. Л.М. Рахлина выполнено 6 докторских и 40 кандидатских диссертаций. Перу Леопольда Матвеевича принадлежит более 100 научных работ. Предложив тему и создав условия для выполнения научного исследования, он предоставлял автору полную самостоятельность, избегая мелочной опеки. Нередко уже в начале работы он формулировал выводы, к которым автор приходил к концу исследования. Но это был дар научного предвидения, в основе которого лежало глубокое знание изучаемой проблемы. Вместе с тем Леопольд Матвеевич был принципиален и строг в оценке полученных результатов и в манере их изложения и терпеть не мог работавших по принципу "чего изволите?". Мнение исполнителя и его право на самостоятельность мышления им уважались.

Получить разрешение на публикацию статьи было непросто. Приходилось приносить ее по нескольку раз, поскольку Леопольд Матвеевич вновь и вновь находил в ней стилистические погрешности. В конце концов мы приспособились после одной-двух проверок заходить к нему со словами: "Леопольд Матвеевич, Вы ее уже проверяли" и таким образом получали долгожданную подпись.

Уже после выхода на пенсию Леопольд Матвеевич с большим интересом следил за научной деятельностью своих учеников. Сразу же после приезда из Харькова, где я защищал докторскую диссертацию, я позвонил ему с тем, чтобы в этот же день зайти к нему домой и обо всем рассказать. "Ни в коем случае, — заявил он, — я иду к вам". Через некоторое время Леопольд Матвеевич, бодро постукивая тростью, которой он пользовался при ходьбе в последние годы (ему в то время было уже 83 года), пришел в клинику и в течение длительного времени подробно расспрашивал обо всех деталях защиты. Я был последним, выполнившим диссертационную работу под его руководством.

Свой личный вклад в науку Леопольд Матвеевич оценивал более чем скромно. Передо мной лежит его рукопись, написанная в августе 1984 г. Она начинается со слов: "Следа в науке, надо признаться, я не оставил. Однако кое-что интересное мне удалось наблюдать и выявить. Так, в 28-м году, применив при сахарном диабете сильный диуретик того

времени, новазурол, с целью получить обильный хлорурез, я показал парадоксальное его действие, падение диуреза и соответственное исчезновение жажды. Однако при чрезмерном хлорурезе мною отмечен интересный синдром, который я уподобил гипогликемии. В последующем этот синдром получил название гипохлоремического. Работа была опубликована в «Казанском мед. ж.» и забыта».

Описывая клинику привитого возвратного тифа, Леопольд Матвеевич отметил, что у сифилитиков он протекает очень легко. Сопоставив его с тяжелыми формами тифа, которым случайно заразились два сотрудника проф. Аристовского, он сделал вывод о наличии «общего противоспирохетного иммунитета у сифилитиков как причины легкого течения привитого возвратного тифа. Это было подтверждено проф. Аристовским и вместе с тем явилось доказательством высокой вирулентности выведенной им вакцины. Эту работу мне зачи как кандидатскую диссертацию.»

Далее он кратко упоминает о докторской диссертации, о чем я писал выше, отмечает интересный цикл исследований сотрудников по дефибрилляции, заверченный И.П. Арлеевским, и работу Л.А. Лушниковой, в которой она показала роль гипоталамо-гипофизарной системы в патогенезе атеросклероза в его так называемых внутренних факторах, и завершает изложенное следующей фразой: «Вот все, что могу сказать, подводя свои итоги. Надеюсь, что мои сотрудники сделают больше, очень этого хочу». Отдадим должное строгости в самооценке вклада в науку, но позволим с ней не согласиться, ибо Леопольд Матвеевич многое привнес в работы своих многочисленных учеников, и это тоже его несомненный вклад в науку.

Хочу коснуться обстоятельств моего поступления в очную аспирантуру. Насколько я знаю, у Леопольда Матвеевича в течение многих лет не было аспирантов и других сотрудников кафедры терапии, евреев по национальности. В то время это не поощрялось. В 60-е годы положение несколько изменилось. Проф. Л.И. Шулутко взял в аспиранты будущего доктора наук А.Л. Гиммельфарба, а проф. О.С. Радбиль — будущих проф. С.Г. Вайнштейна и доцента И.И. Трийгера, однако Леопольд Матвеевич в этом вопросе был весьма последовательным.

Много лет спустя я узнал, что своим поступлением в аспирантуру обязан

его жене доц. Т.Б. Киселевой, которая не раз говорила Леопольду Матвеевичу о том, что его «непоколебимость» вызывает осуждение. И он «дрогнул», согласившись на мое поступление, но не более того. Когда я впервые пришел в клинику, он, поздоровавшись со мной у входа в свой кабинет, сказал: «Подавайте документы, есть шансы», даже не пригласив по традиции для обстоятельной беседы со своим потенциальным учеником.

Бесспорным фаворитом была Д. Валишина, которая работала в клинике лаборантом и к тому же являлась представителем коренной национальности, чему придавалось большое значение. Но она заболела и забрала документы. Вторым конкурент был совершенно не готов к столь сложным и строгим экзаменам. Чего только стоил вопрос тогдашнего проректора по научной работе Н.И. Вылегжанина: «Какое Вы знаете последнее руководство по иммуногематологии?». К счастью, незадолго до того я был на усовершенствовании у известного гематолога акад. И.А. Кассирского и назвал фамилию Доссе, однако до сих пор даже не видел этой монографии. Единственным, кто открыто радовался моим успехам на экзаменах, была юная красавица З.Х. Валева, которой мой конкурент был менее симпатичен. Но она была лишь ординатором — техническим сотрудником приемной комиссии и, естественно, никакого влияния на ее решение не оказывала. Леопольд Матвеевич внешне был бесстрастен. Позже, когда я был уже ассистентом, он в приватной беседе сказал: «Я приходил на приемные экзамены только для того, чтобы посмотреть, на чем Вас будут проваливать».

Могу ли я осуждать Леопольда Матвеевича за осторожность в решении подобных вопросов? Конечно, нет! Он прошел суровую школу жизни. Многие объясняют факт из биографии, о котором я узнал только после его похорон от приемного сына О.М. Киселева. Оказалось, что во время гражданской войны Леопольд Матвеевич воевал в армии Колчака, служил в артиллерийской разведке и был награжден Георгиевским крестом. Что побудило его поступить таким образом, неясно, тем более что Леопольд Матвеевич, по понятным соображениям, очень неохотно касался этой темы. Судя по отдельным высказываниям, ему импонировала идея Учре-

дительного собрания. С армией Колчака Леопольд Матвеевич отступал до Омска, затем покинул ее и приехал в Казань, где и закончил медицинский факультет университета. В 1937 г. его сестра — настоящая большевичка и ее муж были арестованы по обвинению в троцкизме. Муж был расстрелян, сестра же осталась жива. На допросе она заявила, что единственной виной считает сокрытие факта службы брата в колчаковской армии.

В 1937 г. Леопольд Матвеевич был исключен из партии, понижен в звании до майора (до того он был комбригом) и изгнан из ГИДУВа, в который вернулся в начале 1939 г. От более суровой расправы его спас, возможно, перелом ноги. Друзья шутили: “Леопольд, сломав ногу, ты спас голову”. В дальнейшем Леопольд Матвеевич участвовал в экспедиции по спасению челюскинцев и был главным терапевтом армии во время Великой Отечественной войны, закончил ВОВ в Норвегии в звании полковника и был удостоен многих правительственных наград и званий, работал консультантом спецбольницы и был близко в связи с этим знаком с руководителями ТАССР. Однако несмотря на все свои заслуги, он был всегда осторожен: в сталинские времена были репрессированы многие и с безупречной по тем временам репутацией. Тем не менее в течение всей жизни Леопольд Матвеевич был настоящим коммунистом в ортодоксальном понимании этого слова. Его деятельность — пример самоотверженного служения Родине и народу. Я гордился тем, что именно Леопольд Матвеевич дал мне рекомендацию в партию, и в последующие годы он был всегда ко мне очень внимателен, заботлив, как, впрочем, ко всем, кто работал под его руководством или так или иначе с ним общался.

Леопольд Матвеевич был убежденным интернационалистом и лишь на склоне лет, когда в обществе стали распространяться националистические настроения, зазвучали высказывания черносотенного толка, а слово “интернационализм” использовалось, скорее, в ироническом смысле, он не раз с горечью говорил мне: “В течение всей своей жизни я придерживался принципа «для меня нет ни эллина, ни иудея», а сейчас все больше и больше чувствую себя евреем”.

До последних дней своей жизни Леопольд Матвеевич сохранял ясность ума и суждений, хотя круг интересов заметно сузился, а физическая немощь вынуждала подолгу проводить время в постели. Последним заболеванием был гнойный паротит, но операция была противопоказана из-за тяжести состояния. Умер Леопольд Матвеевич 11 апреля 1994 г. на 97-м году жизни. На гражданской панихиде, организованной ректором ГИДУВа и сотрудниками кафедры, было сказано много хороших слов. Хоронили Леопольда Матвеевича по гражданскому обряду с воинскими почестями.

В настоящее время здравствуют многие из тех, кто близко знал Леопольда Матвеевича. Они могут не согласиться с чем-то из этой статьи. Но это — мои воспоминания. В них Леопольд Матвеевич представлен таким, каким я его видел и воспринимал в течение 12 лет работы и длительного с ним общения. На протяжении всего этого времени я испытывал чувство большой радости и гордости при мысли, что являюсь учеником такого Человека.

Проф. И.П. Арлеевский (Казань)

* * *

С момента возобновления издания “Казанского медицинского журнала” в 1957 г. на протяжении последующих 20 лет Л.М. Рахлин был заместителем редактора, а затем до самой своей кончины — членом редакционной коллегии. Всецело поглощенный клинической работой и обучением курсантов, он не был склонен к дотошному вычитыванию редактируемых им номеров журнала, но весьма ревностно на заседаниях редакционной коллегии отстаивал для публикации рукописи, ориентируясь на их научную новизну и врачебную пользу. В постоянной борьбе за право на существование журнала, которая шла в 60-е годы, Леопольд Матвеевич не жалел своего времени на зависящие от его высокого авторитета организационные усилия, которые мы предпринимали по поручению редколлегии как в Казани, так и в Москве. Был он безотказен и как врач — почти все типографские служащие и члены их семей консультировались у него по поводу своего здоровья.

Акад. АНТ, проф. Д.М. Зубаиров (Казань)